

«ЖИТИЕ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА ХРИСТОФОРА» И ВИЗАНТИЙСКАЯ АГИОГРАФИЯ

С. А. МОИСЕЕВА
(ПСТГУ)

Автор статьи, признавая в рассматриваемом произведении, во-первых, этап развития сирийской ветви мелькитского летописания и, во-вторых, зарождающийся на антиохийской почве жанр городской хроники, акцентирует внимание на реализации в тексте житийного канона и из этого, в первую очередь, исходит в анализе «Жития антиохийского патриарха Христофора».

Учитывая греческий культурный пласт, выявляемый в произведениях Ибрахима б. Юханны, автор статьи обосновывает гипотезу о том, что жанровым фундаментом «Жития...» послужила византийская агиографическая традиция, представляющая собою, в свою очередь, своеобразное развитие жанра античной биографии.

Агиография не была однородным явлением в разные периоды своего существования. В частности, с определенного времени, когда житийный канон уже прочно сложился, у некоторых авторов заметна попытка вписать в рамки этого канона историческое повествование¹. Безусловно, к слиянию с историографией тяготели жития активных в политическом отношении предстоятелей церквей. Одним из сохранившихся произведений такого рода является арабоязычное «Житие антиохийского патриарха Христофора»², убитого мусульманами в 967 году. Текст был составлен в кон. X — нач. XI века. Появление подобного жития в Антиохийской Церкви на данном историческом этапе объясняется тем, что христиане тогда составляли не менее половины

---

¹ К этому жанру относится, например, «Псамафийская хроника, или Житие Евфимия» X в. (См.: *Каждан А. П.* Две византийские хроники X века. М., 1959) и «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» XIII в. (См.: *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000).

² *Zayat Habib.* Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore (967) par le protospathaire Ibrahim b. Yuhanna. Document inédit du X siècle // Proche-Orient Chrétien. T. 2. Jérusalem, 1952. Предисловие: с. 11–16; араб. текст с паралл. фр. пер.: с. 17–38; 333–366. Издание осуществлено по рукописи Павла Алеппского (сер. XVII в.). Известно о существовании еще одного манускрипта «Жития» в библиотеке Синайского монастыря.

сирийского населения, и именно этим фактом обусловлен политический вес патриарха и вовлеченность его во внутримусульманские дела.

С другой стороны, Антиохия в это время находилась в руках то арабов, то византийцев. Культуры обеих цивилизаций взаимодействовали чрезвычайно активно³, и их взаимовлияние отразилось на дошедшем до нас памятнике, и, прежде всего, на личности автора, мелькита Ибрахима б. Юханны аль-Антаки. Предполагают, что он происходил из арабизированной греческой семьи. На это указывает его деятельность как переводчика творений святых отцов с греческого языка на арабский⁴. Кроме того, и собственные сочинения Ибрахим мог изначально писать по-гречески, о чем свидетельствует множество эллинизмов в арабском тексте «Жития» и его тяжелый, косноязычный стиль⁵.

Автор был современником, очевидцем и, вероятно, даже учеником патриарха, что позволяет не ставить под сомнение историческую ценность памятника, а потому это житие неоднократно привлекалось в качестве источника по истории Церкви как европейскими⁶, так и отечественными учеными⁷.

Действительно, раскрытию роли патриарха в современной ему жизни халифата служит в «Житии» несколько отрывков: спор Шаша (Ташкента) и Багдада о местопребывании католикоса, когда будущий патриарх впервые проявил себя как церковный деятель; описание антиохийского мятежа, во время которого патриарх единственный сохранил верность законному правителю, снискав этим его особую милость, вызвавшую, в свою очередь, зависть у мусульман; взятие Антиохии византийцами, при котором Божественное наказание разными путями постигло всех убийц патриарха. Но при этом Ибрахим б. Юханны передает множество деталей, не влияющих на образ патриарха. От одной до двух третей повествования в каждом из отрывков даже не содержит упоминания действующих лиц «Жития». Очевидно, что описываемые события интересуют автора и сами по

³ *Кривов В. В.* Арабы-христиане в Антиохии X–XI вв. // Традиции и наследие Христианского Востока. Материалы международной конференции. М., 1996. С. 246–253.

⁴ *Graf Georg.* Geschichte der christlicher arabischen Literatur. B. 2. Roma, 1947. P. 45–48.

⁵ *Zayat Op. cit.* P. 14.

⁶ См., напр.: *Nasrallah J.* L'église melchite en Iraq, en Perse et dans l'Asie centrale // Proche-Orient Chrétien. Jérusalem, 1976. T. 26. P. 16–33; *Todt K.-P.* Notitia und Diozesen des griechisch-orthodoxen Patriarchates von Antiocheia im 10. und 11. Jahrhundert // Orthodoxes Forum. T. 9 (1995). P. 173–185.

⁷ *Панченко К. А.* Антиохийский патриарх Христофор (967). Личность и эпоха // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета: Материалы 2004 г. М., 2005. С. 216–234.

себе. На этом основании можно справедливо видеть в «Житии», «во-первых, этап развития сирийской ветви мелькитского летописания и, во-вторых, зарождающийся на антиохийской почве жанр городской хроники, подобный локальным историям Дамаска, Халеба, Мосула и т. д., возникающим примерно в это же время»⁸.

Однако основную композицию текста, несомненно, задает житийный канон, и именно на него должен опираться анализ произведения. Учитывая греческий культурный пласт, выявляемый в произведениях Ибрахима б. Юханны, следует предположить, что фундаментом для него послужила византийская агиографическая традиция. Эта традиция, как известно, явилась развитием жанра античной биографии⁹. В последней иногда выделяют три типа по способу отбора и расположения материала, а также по цели составления.

Гипомнематический тип — «возможно более полная справка о происхождении героя, о его телосложении и здоровье, добродетелях и пороках, симпатиях и антипатиях, частных вкусах и привычках, с возможной краткостью — о событиях жизни, более подробно — о роде смерти; ко всему этому прилагается перечень анекдотов и «достопамятных изречений». Справочный характер решительно преобладает над повествовательностью, «информация» — над «рассказом» ... *raison d'être* этой разновидности состоит не в изящной отделке, но в сумме полезных и развлекательных сообщений»¹⁰.

Риторический тип — «либо «похвальное слово» (энкомий), либо его противоположность, т. е. «поношение» (*psogos*)... Для риторического типа характерны: отбор материала, исключаяющий не только эмоционально диссонирующие, но и эмоционально нейтральные сведения, и равномерно поддерживаемая напряженность интонации»¹¹.

Моралистико-психологический этюд — жизнеописания Плутарха, «завоевавшего биографию для популярной философской литературы»¹².

Преемственное усвоение агиографией данных биографических типов может быть представлено в виде трех групп житийных текстов: «Первую — составят собственно *жития* (*bjoi kaj politejai*), более или менее обширные биографии святых, написанные с известными агио-

---

⁸ Панченко Антиохийский патриарх... С. 233. Более того, благодаря сопоставлению нескольких источников автор приходит к выводу, что «Житие» представляет собой «редкостный случай: православный агиограф при написании жития святого использует мусульманскую хронику, чтобы освежить воспоминания юности» (с. 232).

⁹ Один из взглядов на путь этого развития: *Попова Т.В.* Античная биография и византийская агиография // *Античность и Византия.* М., 1975.

¹⁰ *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 119–120.

¹¹ Там же. С. 121–122.

¹² Там же. С. 126.

графическими приемами и предназначенные для поучительного чтения» — это аналог плутарховых жизнеописаний; «вторую — образуют *синаксари*, краткие биографии с указанием основных подвигов и заслуг святых, читаемые во время служб этим последним» — это форма, близкая к гипомнематическому типу; «в третью — войдут жития-похвалы, или *энкомии*, произносившиеся в церквах во время особенно торжественных празднований святому» — это прямое соответствие риторическому типу, естественно, исключительно в варианте похвалы¹³.

Здесь справедливо повторить замечание, сделанное С.С. Аверинцевым относительно классификации биографических текстов: «Разумеется, черты этих типов могли смешиваться в одном произведении ... но случаи такого типологического синкретизма не отрицают, а подтверждают общезначимость описанных ... возможностей»¹⁴. Подобным образом, и в агиографическом памятнике могли сочетаться черты назидательного жития, синаксарного чтения и риторической похвалы, но черты одного из типов все же являлись преобладающими.

Реконструкция классической схемы одного из этих типов — похвального жития — была проведена Х.М. Лопаревым¹⁵, и мы имеем возможность сравнить с ней «Житие антиохийского патриарха Христофора», представив сопоставление в виде таблицы:

Классическая схема похвального жития по Х. М. Лопареву	«Житие антиохийского патриарха Христофора»	Пояснения
Заглавие: 1. Название месяца и день памяти	Отсутствует	
2. Эпитет святого	«Сей блаженный, великий патриарх и достоцитый мученик...» ¹⁶	
Предисловие: 3. Указание на убожество образования составителя, несмотря на это все же следует попытаться поведать о подвигах святого	Отнесено в предпоследнюю главу, где автор просит святого принять его недостойный труд (см. п. 16)	Таким образом, признание делается не перед читателем, а перед святым, и долг, ощущаемый, прежде всего, перед ним, придает его фигуре больший авторитет

¹³ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997. С. 51.

¹⁴ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 122.

¹⁵ Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII и IX вв. Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг., 1914. С. 16–36.

¹⁶ Zayat Op. cit. P. 17.

Главная часть: 4. Родители	«Положение его родителей мне неизвестно, но во всяком случае они были почтенные старцы...» ¹⁷	Очевидное следование канону
5. Родина и похвала ей	«.../Христофор/ был уроженцем «Города мира», Багдада, которым агаряне заменили Ктесифон, бывшую столицу своего царства, в земле их науки и красноречия» ¹⁸	Лояльное отношение к мусульманам: принадлежность города иноверцам не служит препятствием тому, чтобы он стал достойной родиной святого
6. Имя святого (этимология)	Имя, принятое при хиротонии, толкуется пророчески: как он облекся во Христа в Крещении (его первое имя — Иса, Иисус в мусульманской традиции), так он должен был облечься в Него пролитием своей крови в патриаршестве ¹⁹	
7. Посвящение ребенка Богу	Отсутствует	Автор неоднократно подчеркивает, что аскетическую жизнь патриарх начал сознательно с принятием сана, а прежде был к ней совсем не готов ²⁰
8. Высокое имущественное положение, задача имения	Отсутствует	
9. Обучение	Указав на недолгий срок обучения, агиограф свидетельствует о его мастерстве в светских науках: красноречии и каллиграфии.	
10. Отношение к браку	Отсутствует	
11. Аскеза	О ней повествуется после рассказа о поставлении в патриархи	
12. Историческая часть (в житии святителя отмечается единогласное избрание и часто вынужденное принятие сана).	Наиболее обширна. Избрание в патриархи было единогласным, хотя первоначально предполагались выборы из нескольких конкурирующих претендентов; на противление же 'Исы своему возведению в патриархи нет ни малейшего указания	'Иса не мог не понимать, насколько полезна будет для Церкви его кандидатура, учитывая благосклонное отношение к нему эмира Сейфа ад-Даула, который «был властителем этой земли» ²¹

¹⁷ *Zayat* Op. cit. P. 17.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid.* P. 18.

²⁰ *Ibid.* P. 17, 26.

²¹ *Zayat* Op. cit. P. 24.

13. Предсмертное наставление	Отсутствует	Не считая вопрошания учеников о физической возможности отправиться ночью в дом заговорщика, последняя речь патриарха раскрывает его готовность на мученический подвиг ради сохранения жизни паствы ²²
14. Кончина	Смысловой центр «Жития», как и в большинстве текстов, повествующих о духовном подвижничестве	Тема занимает всю вторую часть повествования, начинаясь с причин, вызвавших зависть к патриарху, и завершаясь описанием наказания убийц
15. Чудеса	Появление тела умученного патриарха, сброшенного в реку, на острове восемь дней спустя после убийства, хотя автор и не называет это событие непосредственно чудом ²³	В общем же, место описания посмертных чудес занимает подробный рассказ о том, как Божественная кара постигла всех убийц патриарха и справедливость восторжествовала уже в этой жизни
Заключение: 16. «Вот тебе, отче святой, от многого малое...»	«Итак ... прими от меня этот труд ... хотя он и несовершенен, однако в меру моих сил...» ²⁴	
17. Восхваление героя через сравнение (svgkrisi~) со святыми Ветхого и Нового Завета: Авраамом, Моисеем, Иисусом Навином, Давидом, Соломоном, Иоанном Крестителем, апп. Петром и Павлом; общий svgkrisi~ (с патр., мчч., преп. И др.)	Вынесено перед п.16. Патриарх сравнивается с Авраамом, Исааком, Иаковом, Давидом, Соломоном, Иоанном Крестителем, апп. Петром и Павлом ²⁵ ; «...он пребывает на небесах с иереями, беседует с праведными, предстит с монахами-отшельниками, в лике святых мучеников» ²⁶	Чтобы не разрывать единого обращения к патриарху в пп.16 и 18, так как в svgkrisi~'е о патриархе говорится в третьем лице

²² Zayat Op. cit. P. 344–346.

²³ Ibid. P. 358.

²⁴ Ibid. P. 362.

²⁵ Ibid. P. 360–362.

²⁶ Ibid. P. 360.

18. Просьба о помощи	Дважды: к нему одному — после последнего обращения к нему и его ученикам — после их перечисления в самом конце «Жития» ²⁷ .	
	19. Ученики и помощники патриарха, которым автор уже посвятил отдельные повествования ²⁸ .	Ученики, заслуживающие отдельной похвалы, — лучшая похвала их учителю.

Проведенное сопоставление наглядно свидетельствует, что Ибрахим б. Юханна близко следует канонической схеме похвального жития, но пользуется ею не механически, а творчески.

Во-первых, отсутствие и незначительное изменение последовательности некоторых пунктов вызвано или особенностями жизненного пути патриарха (пп. 7—11), или стремлением к большей цельности и выразительности повествования (пп. 3, 17).

Во-вторых, хотя *svgkrisi*~ занимает отведенное для него в композиции жития место, автор еще трижды прибегает к подобной аналогии как способу выделить ту или иную сторону деятельности патриарха. При этом усиление выразительности достигается за счет совпадения дополнительных черт. Кроме того, что переселение молодого 'Исы из Багдада в Сирию, где он станет патриархом, уподобляет его патриарху Аврааму, по схожему маршруту переселившемуся из Халдеи в Ханаан, их сближает само наименование — патриарх²⁹. Незамедлительная помощь патриарха заключенным за неуплату долгов легко позволяет уподобить его святителю Николаю Мирликийскому и св. Иоанну Милостивому, патриарху александрийскому, ведь наряду с одинаковым проявлением милосердия все трое являются носителями епископского сана³⁰. Наконец, заключение имени «Христос» в имени «Христофор» еще больше подчеркивает проводимую в их служении аналогию: как Спаситель не довольствовался тем, что насытил тысячи людей хлебом, но восхотел послужить и собственными руками, умыв ноги ученикам, так и Его последователь не только устроил питание нуждающихся во время голода в Антиохии, но и, служа за трапезой, собственноручно подавал им пищу и питье (вероятно, больным и старикам)³¹. Наблюдаемое здесь проведение *svgkrisi*~'а по

²⁷ *Zayat* Op. cit. P. 362, 366.

²⁸ *Ibid.* P. 364—366.

²⁹ *Ibid.* P. 18.

³⁰ *Ibid.* P. 34, 36.

³¹ *Ibid.* P. 34.

двум параметрам одновременно нельзя не признать проявлением художественного мастерства автора.

Таким образом, «Житие антиохийского патриарха Христофора» композиционно следует отнести к типу энкомия. В данную форму автор облек житие мученика (каковым патриарх уверенно назван уже в первой фразе «Жития...»). С жанровой точки зрения перед Ибрахимом б. Юханной не стояло проблемы. Мученичество (μαρτύριον), сосредоточенное вокруг смерти святого и свидетельства им своей веры, а потому построенное на судебных протоколах, являлось основным агиографическим жанром лишь до времени Миланского эдикта, положившего конец преследованиям христиан. После — возникает желание подробно описать жизнь почивших в мире святых, основываясь на воспоминаниях о них. «Мученичества случались и в более позднее время ... от рук сарацин, персов, болгар... однако, marturia этих святых в сущности уже ничем не отличаются от житий: та же риторика, та же схема тут и там»³².

Но поскольку автор с самого начала именует своего героя мучеником, необходимо признать в «Житии» мученичество если не по форме, то по содержанию. Между тем, убийство патриарха произошло по политическим, а не религиозным мотивам, и само по себе не могло быть центром повествования агиографа. Следовательно, мы должны понять, в чем Ибрахим б. Юханна видит мученический характер смерти патриарха Христофора.

Прежде всего, этому имеется объективное объяснение, не высказанное непосредственно в «Житии». Первым новозаветным мучеником Церковь считает Иоанна Крестителя, обезглавленного за обличение нечестивого царя. Его фигурой открывается длинный ряд, в котором «мученик свидетельствует не сам факт своей веры перед царем-язычником, как диктует логика жанра, а отстаивает право на нравственную оценку поведения властей...», что «становится развитием древнегреческого явления парресии, т. е. гласной и прямой критики правителей»³³. Обличение власть имущих вело к мученичеству или исповедничеству (если опала не доходила до убийства), в первую очередь, высших церковных иерархов — в силу их общественного положения (например, святитель Иоанн Златоуст, святитель Филипп, митр. Московский).

Возможность подобного мученичества реально стояла и перед патриархом Христофором, и он был к нему готов. «Ибрахим б. Юханна повествует о том, как один халебский священник был запрещен в служении за мелкое прегрешение. Священник этот одновременно занимался медицинской практикой и был личным врачом одного из

³² Лопарев Указ. соч. С. 13.

³³ Муравьев А. В. Флавий Клавдий Юлиан в Антиохии в преддверии персидской кампании 363 г. // Вестник древней истории. М., 2004. Вып. 4. С. 184.

хамданидских эмиров, человека властного и необузданного нрава, не раз конфликтовавшего с самим Сейфом ад-Даула. Наказанный священник обратился за заступничеством к эмиру, своему патрону, и тот потребовал от патриарха простить виновного. Ситуация типичная для средневекового Христианского Востока, когда какой-нибудь придворный врач или секретарь, будучи в сани, например, диакона, возводил и свергал патриархов, пользуясь своим влиянием на халифов и визирей. Однако в случае с Христофором эмир натолкнулся на твердый отказ: «Я не могу сделать это, о господин мой», — заявил патриарх. Как повествует «Житие», эмир вознегодовал: «О необрезанный! Как осмеливаешься говорить мне «я не могу сделать этого»? Кто это не позволяет тебе, если я тебе приказываю?». Патриарх сослался на свою веру и совесть. «Мы в вашей власти в том, что касается прочих дел, и нельзя нам не подчиняться вам, — сказал Христофор, — но если вера запрещает нам что-то, то за это мы готовы идти в тюрьму и на казнь». Эмир спросил, что же за преступление так затронуло вероисповедные чувства патриарха. Христофор ответил, что изначально прегрешение того священника было мелким и незначительным, но теперь оно велико и вряд ли подлежит прощению. Он впутал мусульманина в дела христиан, подлежащие решению исключительно в рамках христианской Церкви. Последовал взрыв эмоций со стороны эмира, который грозил патриарху мечом, обещал отрезать ему голову. По словам агиографа, Христофор не испугался, не простил виновного, не обращался за помощью к Сейфу ад-Даула и не бежал из Халеба в Антиохию, но «оставался спокоен, полагаясь на Божье заступничество»³⁴.

В данном случае конфликт с властителем имел под собой церковно-дисциплинарное основание, а потому касался и веры. Это не была парресия, в чистом виде возможная лишь в христианском государстве, хотя похожие черты в приведенном эпизоде, безусловно, присутствуют. Кроме того, угрозы эмира так и остались угрозами (автор не поясняет, по какой причине), и патриарх Христофор остался жив. И все же этот случай из жизни патриарха не просто иллюстрирует его стойкость, он подчеркивает его внутреннюю готовность к мученичеству.

Сложность ситуации, когда мученик умирал не за исповедание Христа, пытались разрешить и до Ибрахима б. Юханны. Характерным примером может служить «Мученичество Савваитов», монахов лавры св. Саввы, пострадавших от арабов в IX в.: «Столкновение монахов и арабов не имеет под собой явно выраженной религиозной почвы. Нападавших интересовала не вера монахов, а богатства монастыря»³⁵ (отметим, что и за убийством Христофора последовало разграбление кафедрального собора, которому посвящена отдельная глава). Стефан,

---

³⁴ Панченко К. А. Указ. соч. С. 222–223.

³⁵ Каждан А. П. История византийской литературы (650–850 гг.) СПб., 2002. С. 229.

составивший «Мученичество двадцати Савваитов» и бывший очевидцем их смерти, «осознавал, что пишет мучеников нового типа, и он сам подчеркивает полемический характер своего труда»³⁶: «...Кто еще сомневается, — восклицает автор, — что они не поставлены с мучениками?.. Или только убиваемые за отказ служить идолам и отречься от Христа должны называться мучениками? Я же говорю, следуя и повинуюсь словам мудрых и боголюбивых учителей, что и всякий убиваемый за малейшую из заповедей Христовых ... есть совершенный мученик ...и если не дерзостно сказать, а скорее нужно сказать смело и свободно, что убиваемые за соблюдение заповедей Христовых суть больше убиваемых просто за веру в Него. Ибо отречение от Бога, как действие важное, великое и влекущее за собою явную гибель, часто возбуждает к соревнованию и негодованию даже более слабые и упавшие души, пострадать же за доблесть свойственно людям очень разумным ... и возвышенным ... ибо умирающий ради заповеди Христовой, очевидно, может умереть и ради Него, а избирающий умереть ради Него не во всяком случае умрет и ради заповеди Его»³⁷. Далее собственное рассуждение автора подтверждается примерами и цитатами из Св. Писания и авторитетом свт. Иоанна Златоуста.

Вероятно, подобная аргументация приводилась не только Стефаном Савваитом, и Ибрахим б. Юханна не счел нужным ее повторять. Он пытается обосновать мученический характер смерти своего героя через ту самую форму, в которой раскрывалось достоинство мученика в древних мучениках, — через диалог³⁸, но уже не с мучителем, а с единоверцем. При этом главному диалогу предшествует другой, на первый взгляд полностью нарушающий похвальный характер «Жития», весь эффект которого раскрывается лишь спустя несколько глав. Во время мятежа против наместника Сейфа-ад-Даула в Антиохии (11 глава), патриарх уехал из города в монастырь св. Симеона Столпника под Халебом. Феодул, ставший впоследствии епископом Селевкии, упрекнул его за отъезд: «Можешь ли ты, господин, после этого говорить в Церкви: «Я пастырь добрый?» Оставил ты овец своих на расхищение волкам». Патриарх тогда прервал этот разговор³⁹. Но когда его предупредили о заговоре (14 глава), он сам призвал к себе Феодула и спросил его, как следует поступить. «О чем тут раздумывать, господин! — ответил он. — Надо положиться на Бога и бежать». «Я убегу, — сказал Христофор, — а потом ты, о бесстыдный, будешь насмеяться надо мной, [говоря]: как сможешь ты теперь сказать: «Я пастырь добрый?» Феодул напомнил, что сейчас совсем другой случай. Патриарх возразил, что это не важно; более того,

³⁶ Каждан Указ. соч. С. 230.

³⁷ Мученичество Савваитов / Ed. A. Papandopoulos-Kerameus // ППС СПб., 1907. Вып. XIX / 3. С. 32.

³⁸ Delehaye Hippolyte. Les légendes hagiographiques. Bruxelles, 1906. P. 106.

³⁹ Zayat Op. cit. P. 336.

в прошлый раз, уйдя из города, он не заслужил осуждения и обвинений в малодушии, потому что его не хотели убивать. А теперь, наоборот, этого страстно желают. «И если я ускользну из их рук, — говорил Христофор, — они выместят зло на христианах и Церкви. А потому пришло время, когда надо сказать не только: “Я пастырь добрый”, но и: «Пастырь добрый — это тот, кто полагает душу за овец своих». И ты скоро увидишь эту бороду залитой кровью». Патриарх огладил бороду рукой и на этом закончил разговор⁴⁰.

Именно благодаря сопоставлению этих отрывков подвиг патриарха Христофора открывается перед читателем во всей своей силе. Патриарх не вызывался дерзко на смерть (первый диалог), пока она не стала для него неизбежной, но тогда уже шел на нее, не колеблясь (второй диалог). Именно такое поведение всегда считалось в Церкви эталоном мученичества. Интересно отметить, что историк Яхья Антиохийский⁴¹, старший современник Ибрахима б. Юханны, использовавший «Житие» в своей летописи, этих диалогов не передает, и из его повествования складывается впечатление, будто патриарх Христофор до самого конца не верил, что ему отплатят злом: «И порешил патриарх отправиться к Ибн-Манику, так как был уверен в прочности существовавшей между ними любви»⁴². Для Яхьи, как историка, важен был факт убийства; для Ибрахима, как агиографа, — его религиозный смысл.

Кроме того, нужно сказать, что основные черты подвига антиохийского патриарха: страдание за нравственную правду, непротивление направленному на святого злу, отказ от бегства — по своей сути характеризуют подвиг Самого Христа. Поскольку автор «Жития» неоднократно подчеркивает, что патриарх был убит из зависти⁴³, и поскольку в сцене убийства патриарх дважды назван «агнцем»⁴⁴, можно предположить, что Ибрахим здесь снова воспользовался *svgkrisi*-[’]ом, на этот раз скрытым. Есть основания считать, что в глазах автора патриарх исповедал Христа самым фактом и образом своей смерти.

Подводя итог, можно констатировать, что «Житие антиохийского патриарха Христофора» явилось плодом своей исторической эпохи как в плане жанровой неоднородности, так и в плане специфики му-

⁴⁰ *Zayat Op. cit.* P. 344–346.

⁴¹ О Яхьи Антиохийском см. *Histoire de Yahya-ibn-Said d'Antioche continuateur de Said-ibn-Batric / Ed. et trad. en français par J. Kratchkovsky et A. Vasiliev // Patrologia orientalis, XXIII. F. 3. P., 1932. Русский перевод отрывков см.: Розен В. Р. Император Василий II Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883; Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам // ППС. СПб., 1903. Т. XVII, вып. 2(1). С. 328–390; Васильев А. А. Византия и арабы. СПб., 1902. Т. 1. Ч. 2. С. 58–68.*

⁴² *Медников Указ. соч.* С. 345.

⁴³ *Zayat Op. cit.* P. 342, 346.

⁴⁴ *Ibid.* P. 348.

ченичества героя. В отношении первого оно является лишь примером общей закономерности в агиографии: «Жития святых как исторический источник стоят в тесной связи с церковно-политическими течениями данной эпохи, являясь материалом для деятельного ее изучения. Чем более обостренный характер носила эпоха, чем интенсивнее Церковь отзывалась на явления жизни, тем более появлялось житий святых и тем более эти жития носят исторический характер»⁴⁵. В отношении второго, это одна из попыток обосновать как мученическую ту смерть, которой нередко умирали предстоятели церкви в период мусульманского владычества.

Кроме того, анализ памятника показывает, что данное произведение не предназначалось для обывателя. Тонкие стилистические приемы, необходимость сопоставления отдельных частей текста, отрывки исторической хроники — все рассчитано на образованного и вдумчивого читателя. Эта установка также была присуща агиографии времени Ибраhима б. Юханны в целом. X в. в Византии — это эпоха Симеона Метафраста, осуществившего «невиданный ни прежде, ни впоследствии, крупнейший по своим масштабам труд по собиранию и обработке ... житий святых, написанных с первых веков христианства до X столетия»⁴⁶. Причиной труда явилось то, что «художественная сторона этих произведений... не удовлетворяла утонченного вкуса современников Метафраста — придворную «эли́ту» и ученых византийцев»⁴⁷. «Из «Похвалы Метафрасту», написанной Михаилом Пселлом... явствует, что «вокруг Симеона собралось немало помощников»⁴⁸, то есть сложилась школа. Можно предположить, что и составление «Жития антиохийского патриарха Христофора» шло в русле этой деятельности, тем более что в этот период Антиохия вновь вошла в состав византийской империи.

«THE LIFE OF ST. CHRISTOPHER, PATRIARCH OF ANTIOCH», AND BYZANTINE HAGIOGRAPHY

S. MOYESEVA

The author treats the Life of St. Christopher, first of all, as a sample of the Syrian branch of the Melkit chronography, and secondly, as a piece of the urban chronicle genre emerging in the Antioch. In her analysis of the Life, the author pays special attention to the way in which the hagiographical canon has been realized in it. Keeping in mind the Greek cultural influence upon the works of Ibrahim Uhanna, the author proves that the

⁴⁵ Лопарев Указ. соч. С. 42.

⁴⁶ Попова Указ. соч. С. 243.

⁴⁷ Там же. С. 244.

⁴⁸ Там же. С. 243.